

Щербакова А.А.

студентка,

*Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина*

СУЩНОСТЬ РЕСЕНТИМЕНТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. НИЦШЕ И М. ШЕЛЛЕРА

Термин «ресентимент» возникает у Ницше в контексте генеалогии морали для описания онтологического различия морали рабов и морали господ [1, с. 415-439]. Точнее было бы даже здесь сказать «морали аристократической» и «морали простонародной». Ведь, с одной стороны, Ницше ведет речь о необходимости этого различия, о невозможности говорить о людях как равных, о необходимости четкого разделения лучших и всех остальных – которые никогда не будут равными друг другу. А с другой стороны, речь идет о фундаментально различной мировоззренческой организации, о принципиально разном уровне наполненности индивидуального бытия, о разном способе существования – и в этом смысле это различие имеет онтологических характер.

Еще в «По ту сторону добра и зла» [2, с. 379-405] Ницше ведет речь о том, что свойством подлинного аристократа является то, что он готов принять жертву многих, проносимую для обеспечения самой возможности его быть аристократом – он не извиняется за принятие изначального неравенства людей и необходимость этой жертвы. Но на этом взаимозависимость аристократа и простолюдина заканчивается – сущностные различия этих двух типов миропонимания формируют одностороннюю связь, в которой аристократ диктует ценности с полной опорой только лишь на самого себя, а раб реактивно «отражает» ценности аристократа, последовательно говоря им «нет».

Ресентимент есть то отношение, в котором раб оказывается в отношении аристократа или морали аристократов: это отношение, основанное на затаенной зависти и мстительности, из которой раб стремится переиначить аристократические ценности таким образом, чтобы изобличить в них «злое» и тем самым удостоить себя права называться «хорошим». Ницше говорит здесь о том, что для аристократа само понятие хорошего – это показатель достоинства и силы, в то время как для раба «хороший» стремится к совпадению с «добрым», т.е. выражает характеристику отношения между людьми (участливого, сочувственного, бескорыстного, отзывчивого и т. д.), но не выражает никакого содержания относительно достоинства человека.

Мораль аристократа зиждется на утверждении себя в качестве мерила ценностей, утверждении себя в качестве центра: но из этого не следует «потребности» навязывать власть рабу – аристократ, безусловно стремится навязать свою ценность в качестве отношений власти (это и есть собственно воля к власти), но после того, как власть была утверждена и роли распределены, аристократу до раба нет никакого дела. Более того, там, где власть одного не смогла покорить волю другого, формируются отношения

взаимного уважения – уважения чужой воли к силе, отношение к сильному как к равному. Ресентиментная мораль, в свою очередь, есть бесконечно искомый ответ на вопрос «Чем я хуже?», «Почему я не заслуживаю того, что есть у другого?», «Почему я не другой?» – констатирующий бессилие вопрошающего, и требующий возмездия. Возмездие, в сущности, никогда не может воплотиться, а требование – быть сполна удовлетворенным: в этом вопрошании ресентиментный человек ищет для себя права на чувство собственного достоинства (которого, как ему представляется, он был лишен). Но аристократ сам удостоверяет свое достоинство – и воплощает свое представление о достойном в деятельной воле к власти. Бессилие же ресентиментного человека в том, что он рвется обрести признание в другом, не будучи в состоянии опираться на себя: в сущности, если и можно говорить о том, что ресентиментному человеку доступно чувство уважения, то оказывается, что он может уважать только объекта своей зависти – но в навязчивом желании отмщения оказывается не способен к тому, чтобы уважать себя.

В свою очередь Шелер, в своем анализе природы ресентимента [3], утверждает, что для возникновения ресентиментного мировоззрения нужны не авторитарные отношения власти, а наоборот – либеральное общество «формально равных», в котором тем более вопиющим становится неравенство фактическое (в статусе, имуществе, реальной власти) [3, с. 11-65]. Ресентимент здесь расцветает вокруг бесконечных возможностей для сравнения. Если абстрагироваться от тех форм, которые может принимать аристократичная воля к власти – которой, в сущности, дозволено все, что она захочет на правах сильного – то тем не менее окажется, что ресентиментная мораль не имеет сама в себе никаких перспектив: в бесконечном стремлении к отмщению, ресентиментный человек отказывает себе в воле к жизни, он отрицает жизнь ради воплощения той «справедливости», которая позволит ему отныне «жить достойной жизнью» – и никогда не достигает этого состояния. Но даже если представить, что удовлетворение ресентимента могло бы быть достигнуто, то ресентиментный человек неизбежно оказался бы в состоянии полной моральной дезориентации и отсутствия каких-либо ценностей – и вынужден был бы либо прозябать в этой неопределенности, либо признать себя мериллом ценностей – за неимением других, «внешних» ориентиров – и тем самым перешел бы к аристократической морали.

Список використаних джерел:

1. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; Пер. с нем. – М.: Мысль, 1996. – С. 407-525.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; Пер. с нем. – М.: Мысль, 1996. – С. 238-407.
3. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.